

Банах Л.С.

УДК 821.14'06-3.09

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СМЫСЛОВОГО ПЛАНА АЛЛЕГОРИИ В РОМАНЕ СПИРОСА ПЛАСКОВИТИСА «ПЛОТИНА»

***Аннотация.** В статье впервые в отечественном литературоведении предлагаются различные интерпретации смыслового плана аллегории в романе Спироса Пласковитиса «Плотина», исследование проводится при помощи типологического, социологического, сравнительного, герменевтического подходов и метода символической интерпретации*

***Ключевые слова:** новогреческая литература, аллегория, смысловой план*

***Анотація.** В статті вперше у вітчизняному літературознавстві пропонуються різні інтерпретації семантичного плану алегорії в романі С. Пласковітиса «Гребля», дослідження проводиться за допомогою типологічного, соціологічного, порівняльного, герменевтичного підходів та методу символічної інтерпретації*

***Ключові слова:** новогрецька література, алегорія, семантичний план*

***Summary.** The Greek writers, representatives of the so called "generation of the 60th" used allegory as the main type of imagery in their novels. The novel "The Dam" (1960) by Spyros Plaskovitis became the outstanding creative work of the decade. In this article for the first time in the Ukrainian criticism of literature the different interpretations of the semantic plan of allegory in the novel "The Dam" by Spyros Plaskovitis are proposed, such as political, ecological, existential allegory. The relationships between the authorities, the population and the dam in the novel reflect the social and political events of the 50-60th years of the XX-th century in Greece. The novel has the "ecological" semantic plan, which shows the problems of the dangerous conflict between the nature and the human beings. Besides, the existential questions about the sense of life and attitude to death, the theme of the sin, the blame and the responsibility for the existence of the other people. The dam is also regarded as the internal barrier in the psychological world of the main character. The semantic parallel with the novel "The Plague" by Albert Camus is done on the thematic and problematic levels, in the depiction of the main character and the place of action. The research is done with the help of typological, sociological, comparative, hermenetical approaches and of the method of symbolical interpretation*

***Key words:** New Greek prose, allegory, the semantic plan*

Причинами обращения к приему аллегории в литературе XX века было стремление отобразить кризисные явления в жизни общества, символически изобразить бунт против косности, серости, общепринятых шаблонов, против правящих режимов, передать протест против нацизма и насилия в любом его виде, показать выпадение одинокого индивида из социальных связей. Экзистенциальные мотивы стали ведущими в художественной литературе после Второй мировой войны: писатели поднимали вопросы смысла жизни, отношения к смерти, ответственности за свой выбор, за все происходящее в мире.

В новогреческой литературе в 60-х годах XX века преобладало скептическое отображение экономических, социальных и политических реалий несмотря на кажущееся благоденствие страны, в связи с чем писатели использовали аллегорию в качестве основного типа образности своих романов (Василис Василикос в трилогии «Лист» («Το Φύλλο»), «Источник» («Το Πηγάδι»), «Предсмертная агония» («Το Αγγελιασμά»), 1961, Арис Александру в романе «Ящик» («Το Κιβώτιο»), 1975), Спирос Пласковитис в романе «Плотина» («Το φράγμα»), 1960), Антонис Самаракис в романе «Промых» («Λάθος»), 1965). Интерпретация аллегории в романах 60-х годов XX века помогает лучше понять проблемы общества того времени, неразрывно связанные с современностью, что определяет **актуальность** темы проводимого исследования. **Целью** данной статьи является раскрытие смыслового плана аллегории в романе Спироса Пласковитиса «Плотина». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) определить сущность политической аллегории романа, 2) рассмотреть экологическую версию аллегории в романе, 3) раскрыть экзистенциальную проблематику романа, 4) провести сравнительный анализ романа Спироса Пласковитиса «Плотина» и романа-притчи Альбера Камю «Чума».

Теоретико-методологическую базу исследования составили критические работы литературоведов Родерика Битона, Александроса Кодзьяса, Костаса Стерьюпулоса, Димитриса Рафтопулоса, историка Апостолоса Вакалопулоса, статьи из энциклопедии современной греческой литературы под редакцией Брюса Мэрри.

Роман Спироса Пласковитиса «Плотина», написанный в 1960 году, стал, по мнению литературного критика Родерика Битона, ведущим произведением десятилетия [2, с. 317]. Роман переведен на украинский, французский, румынский языки, писатель награжден за него премией «группы 12», в 1982 году роман экранизирован режиссером Димитрисом Макрисом.

Прежде всего, можно говорить о политической аллегории в романе «Плотина», поскольку на ассоциативном уровне восприятия прослеживаются социально-политические реалии Греции 60-х годов XX века. Так, образно-предметный план аллегории, то есть сама плотина, фиксирует уже заданную мысль об ограничении, несвободе, невозможности развития. В смысловом плане роман является аллегорией на время правления премьер-министра Константиноса Караманлиса (1955-1963), как это отмечается в энциклопедии современной греческой литературы, изданной в США в 2004 году: «But dam, authorities and engineer also suggest a critique of the first Eight Year Plan of Karamanlis, with an aura of projects, contracts, rigged auctions, and instant wealth [3, с. 335]» («Но плотина, власти и инженер также наводят на мысль о Восьмилетнем плане Караманлиса, с нахлынувшей волной проектов, договоров, нечестных аукционов и с мгновенным

изобилием») (перевод мой. – Л.Б.). Однако тот факт, что инженер-механик Валерис сравнивает Гризу с концентрационным лагерем, позволяет расширить временные границы аллегории и на годы правления премьер-министра Алексиса Папагу (1952-1955): «...все в Гризе напоминало концентрационный лагерь. Даже те дома, которые не были просто деревянными бараками, покрытыми листовым железом, с железными решётками и заборами из колючей проволоки, имели какой-то знак, свидетельствующий о том, что их населяли люди, находящиеся в прямой зависимости от плотины...» («...όλα μοιάζανε στη Γκρίζα με στρατόπεδο. Γιατί όσα σπίτια δεν ήταν σκέτες ξύλινες παράγκες, στρωμένες με λαμαρίνα, με κάγκελα σιδερένια και φράχτες από αγκυρωτό σύρμα, αδύνατο να μη είχαν κάποιο σημάδι που να μαρτυρά ότι τα κατοικούσαν άνθρωποι σε άμεση εξάρτηση απ'το φράγμα...» [6, с. 84]. Подобное сравнение отражает реалию жизни Греции 50-х годов, когда в концлагеря на острова Макронисос, Гиарос, Ай Стратис и другие ссылались тысячи коммунистов, политических заключенных, солдат-дезертиров.

Греческий историк Аποστολος Βακαλοпуλος сообщает, что правление Караманлиса отмечалось политикой экономии, инвестированием больших гидроэлектрических сооружений, привлечением иностранного капитала, поддержкой торговли и промышленности, дорогостроения, что привело страну к быстрой индустриализации и экономическому развитию. Тем не менее, историк сообщает о проблеме отсутствия квалифицированных технических работников, нежелании премьер-министра поднимать зарплату трудящимся, эмиграции жителей сельской местности за границу, об опасности покидания плодородных земель, применении террора во внутренней политике, гонениях на несогласных с политикой государства [4, с. 449-450].

Данный социально-экономический фон находит свое отражение в романе «Плотина»: в городе Гриза (Серость) построена гидроэлектростанция, и для того, чтобы сдерживать воду реки, ранее протекавшей на месте города, возведена плотина, но никто не знает ее выносливости к давлению воды, не видел чертежей ее постройки. Люди даже боятся говорить о плотине. Приехавший по приказу министра (причем название министерства не указывается, сохраняя аллегорическую условность) для осмотра плотины доктор технических наук, инженер-механик Алексис Валерис встречает абсолютную техническую безграмотность работников, обеспечивающих функционирование плотины, полную безответственность и даже преступность инспекторов (так, главный инспектор Андреас Флорьяс сжигает чертежи плотины во время бегства населения из города, боясь показать их инженеру). Власть устраивает подобное положение вещей, потому что неведение, страх и благоговение жителей города перед плотинной делает их легко управляемой толпой, что подтверждают слова министра, сказанные инженеру: «Может, Вы думаете, что нас бы интересовала плотина, если бы речь не шла об управлении толпой?» («Μήπως φαντάζεσθε, ότι θα μας απασχολούσε το φράγμα, αν δεν επρόκειτο να κυβερνήσωμεν το πλήθος;» [6, с. 266]). Ответ инженера является кульминацией романа: «Но у вас нет власти, и вы это знаете! Истинная власть находится в плотине. А плотина находится в неустойчивом состоянии» («Μα δεν έχετε εξουσία και το ξέρετε! Η εξουσία η αληθινή βρίσκεται στο φράγμα. Και το φράγμα βρίσκεται μέσα στην αστάθεια» [6, с. 268]). Поэтому высказанное в публичном выступлении инженера предложение проломить плотину звучит как призыв свергнуть данную власть, которая несет в себе опасность смерти: «Проломите эту плотину!... Смерть – это лишь один из механизмов запутанной западни, которая может скрываться в плотине» («Σπάστε αυτό το φράγμα!... Ο θάνατος είναι μονάχα ένας απ'τους μηχανισμούς της πολύπλοκης παγίδας, που μπορεί να κρύβεται μέσα στο φράγμα» [6, с. 276]). Однако этот призыв встречает резкое несогласие и гнев населения, поскольку привыкнув находиться в зависимости от плотины (то есть существующего строя), жители городка не мыслят без нее своего существования.

Роман «Плотина» также может рассматриваться как «экологический», поскольку его тематическим ядром является опасное противостояние человека и природы, старание человека подчинить себе природу, за что она жестоко мстит [2, с. 317]. Так, старожил Бенардис Харитос предупреждает сограждан: «Вы забываете, что, если отберешь что-либо у другого, он не перестанет пытаться у тебя это забрать, будь то человек или вода» («Ξεχνάτε πως ό,τι αρπάξεις απ'τον άλλον, ο άλλος δε θα λάψει να δοκιμάζει να σ'το ξαναπιάξει, είτε άνθρωπος είναι, είτε νερό;» [6, с. 146]). Так, в городе Гриза, где почти нет деревьев, земля начала гнить, вода пробила за плотинной и начала обходить ее стороной, что привело население к состоянию паники и к последующему бегству из города, а плодородные земли стали заливаться. То есть «плотина» становится воплощением технологической угрозы.

Кроме того, смысловой план аллегории в романе напрямую связан с экзистенциальной проблематикой: ставятся вопросы смысла жизни и отношения к смерти, звучат тема греховности, тема вины, профессиональной и моральной ответственности за существование других людей.

В рамках вопроса о смысле жизни, плотина приобретает значение внутреннего барьера, который воздвигает человек внутри себя. Так, следуя законам общества потребления, имея все блага жизни: блестящую славу ученого, достаточное количество денег, превосходные связи, дачу, машину, любимую женщину, инженер Валерис постоянно откладывал на потом обдумывание многих тяжелых вопросов личного плана, не давая прорваться наружу угрызениям совести, то есть воздвигал внутри себя плотину и боялся, что она прорвет. «Однако эта гладкая жизнь временами давала ему привкус истинной опасности, которая, как он подозревал, кроется в надежности» («Όσόσο η στρωτή τούτη ζωή του'δινε τότε τότε την πρόγευση της αληθινής ουσίας του κινδύνου, που την υλοπεύοταν να κρύβεται εδώ μέσα στην ασφάλεια» [6, с. 47]). Поэтому его обращение к жителям города Гризы с призывом уничтожить плотину свидетельствует о подобном решении относительно его внутреннего мира. Проломив плотину внутри себя, Валерис обретает свободу, чистую совесть и осуждение властей и «толпы».

Рассуждая о романе «Плотина» критик К. Стерйоупулос пишет «о страхе смерти, а также о метафизическом ощущении потрясения и развала» («για φόβο του θανάτου, καθώς και για κάποια μεταφυσική αίσθηση συγκλονισμού και κατάρρευσης») [8, с. 136]. Однако, по-нашему мнению, отношение к смерти в романе определяется не страхом, а скорее принятием смерти как последнего неотвратимого испытания, что воплощено в словах умирающего Бенардиса Харитоса: «Ο, даже если бы ты вернул мне сейчас жизнь, я бы ее не хотел! Только грех мой не забирай... Если ты веришь в грех, разве это не означает, что ты веришь в Него?» («Ω, και να μου την ξανάφερνες τώρα τη ζωή, δε θα την ήθελα! Μονάχα την αμαρτία μου να μη μου πάρεις... Αν πιστεύεις στην αμαρτία, δεν είναι τάχα σα να ελπίζεις σ' Εκείνον;») [6, с. 249]), «... нас пугает не грех, а Божий суд за него, и этот Божий суд выше смерти. Ты можешь представить, каким счастьем была бы смерть без Божьего суда?» («... δε μας φοβίζει η αμαρτία, παρά η κρίση γι' αυτήν, και η κρίση είναι ακόμα λάνου κι ал' το θάνατο. Θα πτορούσες τάχα να φανταστείς τι ευτυχία θα ήταν ένας θάνατος, χωρίς κρίση;») [6, с. 132]).

Литературный критик Димитрис Рафтопулос предполагает, что роман «Плотина» находится «под плодотворным влиянием европейской экзистенциальной филологии и особенно романа «Чума» Камю» («γόνιμα επηρεασμένο από την ευρωπαϊκή υπαρξιακή φιλολογία και ιδιαίτερα από την «Πανούκλα» του Καμю») [7, с. 629]. Эти два романа действительно имеют много общего в проблематике, в характеристике центрального персонажа, в подтемах, в изображении места действия. Так, описания Орана и Гризы совпадают: серые города, без деревьев, без птиц, с потопами грязи. Центральные персонажи: врач Бернар Риэ и доктор наук Алексис Валерис – люди, от которого ждут решения, помощи, но которые оказываются неспособным противостоять надвигающейся угрозе: у Камю – угрозе чумы, у Пласковитиса – угрозе разрушения плотины. Они пытаются понять смысл жизни и значение смерти, оба берут на себя ответственность за судьбу города и чувствуют вину за свою беспомощность. Так, инженер Валерис признается: «Я тащил на себе такую ужасную ответственность все это время. Почему я не хотел ни с кем общаться, почему не хотел призвать на помощь власти. Это бы было бесполезным» («Σήκωσα μια φοβερή ευθύνη απάνου μου όλον αυτόν τον καιρό. Γιατί δεν ήθελα να επικοινωνήσω, γιατί δεν ήθελα να επικαλεσθώ την εξουσία... Θα ήταν ανώφελο [6, с. 242]). В обеих книгах присутствует метафизическое ощущение шока, переходящее в предупреждение, касающееся неизбежного и рокового конца мира, в котором никто не хочет замечать правду [8, с. 137] или не может противостоять лжи и насилию. Абстрактно-символический пласт в обоих романах позволяет толковать их как романы-притчи о человеческом существовании вообще. Слова Камю о романе «Чума» мог бы повторить и Пласковитис: «...я хочу передать обстановку удушья, от которого мы страдали, атмосферу опасности и изгнания, в которой мы жили тогда. Одновременно я хочу распространить это толкование на существование в целом» [1, с. 17].

Критик Александр Кодзяс сравнивает опасность разрушения плотины с нацистским ураганом, охватившем человечество во время Второй мировой войны [5, 1с. 42]. Но, если название романа «Чума», опубликованного в 1947 году, неизбежно ассоциировалась со словосочетанием «коричневая чума» (как называли фашизм в Европе), и было принято считать, что роман является аллегорией Второй Мировой Войны и французского Сопротивления, то относительно романа «Плотина» такая трактовка представляется нам спорной, поскольку в романе явно просматриваются социально-политические реалии 60-х годов XX века.

Таким образом, роман Спироса Пласковитиса «Плотина» является политической аллегорией на время правления премьер-министров Алексиса Папагоса и Константиноса Караманлиса (1952-1963), звучит как призыв свергнуть существующую власть или хотя бы задуматься над ее обманчивой, показной сущностью, таящей в себе террористические методы управления государством и покушение на свободу греческого народа.

Кроме того, роман является предостережением об экологической катастрофе, которая неизбежна при существующем потребительском отношении к природе.

Наличие широкого диапазона экзистенциальной проблематики (ставятся вопросы смысла жизни и отношения к смерти, звучат тема греховности, тема вины и ответственности людей за свое и чужое существование) свидетельствует о переживании писателя относительно способов противостояния общества искажениям, обману и преступлениям в социально-политической жизни Греции. Наличие возможных параллелей с романом-притчей А. Камю «Чума» на проблемно-тематическом уровне, в характеристике центральных персонажей, в изображении места действия позволяет отнести роман Спироса Пласковитиса «Плотина» к греческой прозе экзистенциализма.

Источники и литература:

1. Камю Альбер. Избранное: Повести; Роман; Рассказы и очерки / Камю Альбер ; [вст. статья С. И. Великовского]. - Мн.: Нар.асвета, 1989.
2. Beaton Roderick. Εισαγωγή στη νεότερη ελληνική λογοτεχνία. Ποίηση και πεζογραφία 1821–1992 / Roderick Beaton. – Αθήνα : Νεφέλη, 1996. – 458 σ.
3. Encyclopedia of modern Greek literature / Bruce Merry. – USA, Greenwood Press Publishing Group, 2004. – P. 335.
4. Βακαλόπουλος Απόστολος. Νέα ελληνική ιστορία 1204-1985 / Απόστολος Βακαλόπουλος. – Θεσσαλονίκη : Βάνιας, 2005. – 486 σ.
5. Κοτζιάς Αλέξανδρος. Μεταπολεμικοί πεζογράφοι. Κριτικά κείμενα / Αλέξανδρος Κοτζιάς. – Αθήνα : Κέδρος, 1982. – 303 σ.

6. Πλασκοβίτης Σπύρος. Το φράγμα / Σπύρος Πλασκοβίτης. – Αθήνα: Κέδρος, 1987. – 280 σ.
7. Ραφτόπουλος Δημήτρης. "Η πεζογραφία του ήθους" στο έργο του Σπύρου Πλασκοβίτη / Δημήτρης Ραφτόπουλος // Περιοδικό «Επιθεώρηση Τέχνης», Ιούνιος 1961. – Σ. 629.
8. Στεργιόπουλος Κώστας. Η μεταπολεμική πεζογραφία. Από τον πόλεμο του '40 ως τη δικτατορία του '67/ Κώστας Στεργιόπουλος. – Αθήνα: Σοκόλης, 1988. – 225 σ.

Гавришева Г.П.

УДК 821.133.1 1/7.07

ДО ПИТАННЯ ПРО РОСІЙСЬКІ ПЕРЕКЛАДИ ПОЕЗІЇ АНДРЕ ШЕНЬЄ В ХІХ СТОЛІТТІ

Анотація. В статті представлена історія сприйняття поетичного спадку французького автора кінця XVIII ст. Андре Шеньє в Росії; висвітлюються деякі аспекти художнього перекладу його творів на російську мову. Центральне місце займає проблема реценції Шеньє О.С. Пушкіним: його надихала творчість французького поета, він був, по суті, його першим перекладачем в Росії. Серед інших відомих російських перекладачів поезії Шеньє в XIX столітті - Є. Баратинський, О.К. Толстой, І. Козлов, А. Фет.

Ключові слова: поетичний переклад, елегія, інтерпретація, лірика, художній образ.

Аннотация. В статье представлена история восприятия стихотворного наследия французского поэта конца XVIII в. Шенье в России; освещаются некоторые аспекты художественного перевода его произведений на русский язык. Центральное место занимает проблема реценции Шенье А.С. Пушкиным: его вдохновляло творчество французского поэта, он был, по сути, его первым переводчиком в России. Среди других известных русских переводчиков поэзии Шенье в XIX веке – Е. Баратынский, А.К. Толстой, И. Козлов, А. Фет.

Ключевые слова: поэтический перевод, элегия, интерпретация, лирика, художественный образ.

Summary. In the article one represents the history of the intellectual perception of the poetic heritage of the French poet of the end of the XVIII century André Chénier in Russia; some aspects of the belles-lettres translation of his work into Russian are highlighted. The central place belongs to the problem of Chénier's reception by A.S. Pushkin, who was inspired by the French poet's creative work and who, in fact, was his first translator in Russia. Among other most famous Russian translators and interpreters of the poetry by Chénier; in the XIX century there were E. Baratynskiy, A.K. Tolstoy, I. Kozlov, A. Fet.

André Chénier's poetic fate is irrepeatable in its high tragic character: he died on the scaffold during the time of the French Revolution of the XVIII century for two days before the end of the Jacobite terror.

His creative work chronologically belongs to the verge of XVIII- XIX centuries, though in character and content of his verses, and also due to the appearance of his first published collection only in 1819, - Chénier opens a new page in the french poetry of Romanticism and at once becomes the idol of the romanticists.

Pushkin's interest to Chénier's poetry underwent several stages. Beginning from 1820 the Russian poet was charmed by his poetry, opens it for himself, does not lose the interest to his creative work till the end of his life.

The last translation dates back to 1835. The analysis shows that Pushkin was not a translator in the direct meaning of this notion his interpretations can be named peculiar poetic variations on the basis of the verses by Chénier. Pushkin takes in the poetry by Chénier only those motives and images, which correspond to his own poetic world view.

Key words: poetic translation, elegy, interpretation, lyrics, belles-lettres image.

Актуальність та новизна проблеми перекладів поезії французького елегіка кінця XVIII століття Андре Шеньє (1762-1794) можна обґрунтувати в першу чергу своєрідністю самого характеру поетичної творчості цього автора, глибиною її філософського змісту, яка поєднується, в той час же, з тонким ліризмом та завершеністю форми. Поет зумів в своїх віршах з'єднати ліризм з гуманістичними ідеями доби Просвітництва, що було для французької поезії цього періоду новою тенденцією. В той час же, в його віршах вже присутнє передчуття нового напрямку – романтизму, одна з головних рис якого полягає в тому, щоб передати відчуття багатогранності світу через емоційний стан ліричного героя. Така багатогранність творчості Шеньє робить її цікавим об'єктом літературознавчих досліджень, а тим більше – в царині художнього перекладу, що є основною метою цієї наукової розвідки.

Поезія Андре Шеньє займає особливе місце в історії французької літератури, відрізняючись неповторною для своєї доби художньою своєрідністю, новаторським характером змісту, форми та поетичної стилістики, проте, творчість цього французького поета, як і її перекладацький аспект, залишаються недостатньо висвітленими в науковій літературі, хоча, поза сумнівом, вони заслуговують на більш детальне і глибоке вивчення [13].

Андре Марі Шеньє прожив зовсім недовге життя. Відомо, що він загинув на ешафоті, страчений яacobінцями у віці 31 року під час Великої французької революції XVIII століття, всього за два дні до закінчення яacobінського терору і смерті самого Робесп'єра, – ніби остання жертва за всіх мучеників. Поетична доля Андре Шеньє неповторна у своїй високій трагічності. Свої останні вірші він пише у в'язниці, чекаючи на смертний вирок. Надзвичайну силу духу виявляє він і перед лицем смерті. За життя сучасники, крім декількох найбільш близьких друзів, не знали про його поетичне обдарування. І лише чверть століття після загибелі на ешафоті вперше виходить з друку у 1819 р. збірка віршів поета, видавцем якої став Анрі де Латуш [14]. З появою цієї книжки Шеньє відразу ж постає кумиром романтиків.